

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Кудлай Оксаны Сергеевны
на тему: «Литературная исповедь и её трансформация
в прозе русского зарубежья»
по научной специальности 5.9.3. Теория литературы

Актуальность исследования О. С. Кудлай обусловлена широким интересом к феномену исповеди в различных областях гуманитарного знания: от богословия и юриспруденции до лингвистики и литературоведения. Высокая степень научного интереса в данном случае соответствует сложности изучаемого объекта. Эта сложность определяется прежде всего тем, что исповедь представляет собой явление, принадлежащее сразу нескольким сферам "словесно-идеологической жизни" (Бахтин): религиозной, юридической, художественной. Трансграничный характер исповеди затрудняет её рассмотрение с эстетических и литературоведческих позиций: сами границы феномена предстают крайне размытыми и нуждающимися в уточнении. Как справедливо отмечает автор диссертации, «классические жанровые типологии неприменимы к диффузному феномену художественной исповеди» (с. 4). Несмотря на наличие различных исследований литературно-художественной исповеди и близких к ней явлений (в диссертации упоминаются работы таких авторов, как М. М. Бахтин, Ю. П. Полозков, Л. М. Баткин, К. Г. Исупов, U. Breuer, D. Foster, J. Gill, О. А. Джумайло, Л. Ф. Луцевич и др.), в науке остаются открытыми вопросы о жанровой природе исповеди, о границах литературно-художественной исповеди и смежных с ней явлений (эгодокументов, псевдоисповедальных форм и т.п.), о соотношении понятий «исповедь» и «исповедальность», а также о трансформации литературной исповеди на различных стадиях эволюции поэтики. В диссертационном исследовании О.С. Кудлай делается продуктивная попытка ответить на эти важные

вопросы, что определяет **теоретическую значимость** работы. Проблемы разграничения исповеди и смежных литературных феноменов, а также трансформации литературной исповеди решаются в диссертации на материале произведений неклассического этапа поэтики художественной модальности (в терминологии С. Н. Бройтмана), а именно: на материале текстов каждой из трёх волн русской эмиграции. Исследования литературно-художественной исповеди в данном направлении ранее не предпринимались, что обуславливает **научную новизну** диссертации.

Структура диссертационного исследования соответствует поставленной цели – «выявить сущностные характеристики литературной исповеди, описать и проанализировать особенности ее трансформации в прозе русского зарубежья» (с. 12) – и сформулированным задачам. Текст работы состоит из введения, теоретической части (первые три главы), практической, или аналитической части (четвертая глава), заключения, подробного библиографического списка, а также приложения, включающего в себя список текстов, в названии которых содержится слово «исповедь» или его синонимы.

Во введении к диссертации О. С. Кудлай проводит краткий обзор исследований исповеди (от XIX в. до наших дней), фиксируя основные проблемные точки, связанные с изучением данного феномена, а именно: 1) сложность определения исповеди как литературного жанра; 2) предельную широту проблематики покаянных текстов; 3) их отнесение к различным родовым формам (к эпосу, лирике, в меньшей степени – к драме); 4) невозможность опоры в случае литературно-художественной на такой «жанровый индекс» (с. 5), как заглавие. Во введении также обосновывается материал исследования (тексты В.В. Набокова «Соглядатай» и «Отчаяние», Н.В. Нарокова «Мнимые величины» и Э.В. Лимонова «Это я – Эдичка») и теоретическая база (прежде всего работы М. М. Бахтина по эстетике словесного творчества и Ж.-М. Шеффера по теории жанров).

В первой главе «Исповедь как культурный феномен» О. С. Кудлай обращается к истокам исповеди как формы коммуникации. В данной главе автор диссертации проводит очень важную в контексте работы границу между *религиозной* и *светской* формами исповеди, определяет конститутивные признаки исповеди, обусловленные её изначальным функционированием в религиозном коммуникативном контексте, указывает на то, что религиозная исповедь служит «генетическим основанием исповеди светской» (с. 47).

Вторая глава диссертации «Исповедь в художественной литературе: истоки и формы» посвящена основополагающему для исследования теоретическому разграничению исповеди как жизненного и как эстетического феномена. Автор справедливо утверждает, что «литературная (художественная) исповедь – одна из разновидностей светской исповеди» (с. 54). Опираясь на труды М.М. Бахтина, М.В. Михайловой, С. Зассе, О.С. Кудлай прежде всего указывает на существенное дискурсивное отличие религиозной исповеди от исповеди литературной: в последнем случае в исповедальную коммуникацию привносится ценностно-активная, завершающая позиция Другого – автора (в связи с чем субъект исповеди получает черты героя), а на месте Бога как сакрального адресата исповедального слова (и духовника – как посредника), оказывается профанная, но при этом опять же ценностно-активная фигура читателя.

Разграничение между исповедью как жизненным и как художественным высказыванием проводится в диссертации с опорой на категорию «адресованности» (с. 62). Если в жизни исповедь обращена к реальному слушателю (читателю), то в художественном высказывании не только к адресату, принадлежащему к тому же миру, что и исповедующийся герой (хотя фигура эксплицитного адресата для художественной исповеди довольно характерна), но и к имплицитному читателю (с. 63), занимающему по отношению к герою позицию вневходимости (с. 65). В этой же части

диссертации выделяются и содержательные характеристики литературно-художественной исповеди, позволяющие отграничить её «от других форм словесного искусства»: сема искренности, добровольный характер высказывания, сосредоточенность сюжета вокруг событий внутренней жизни. В этой же главе автор продуктивно разграничивает понятия исповедальности как определённой коммуникативно-психологической установки и исповеди как особой формы художественного высказывания.

Третья глава диссертации «Исповедь в литературоведении: проблемы и перспективы изучения» представляется нам центральной в теоретическом отношении. В этой главе О.С. Кудлай осуществляет отграничение исповеди от смежных явлений словесности, а именно «эгодокументов» (с. 100): автобиографий, мемуаров, дневников, писем. Такое отграничение позволяет автору перейти к осмыслению исповеди как типа художественного высказывания через соотнесение с категорией жанра. В данной части работы О.С. Кудлай, в целом, удачно опирается на жанровую теорию Ж.-М. Шеффера. Жанровая идентичность исповеди, согласно утверждению автора диссертации, устанавливается только на коммуникативном уровне, при этом исповедь «не обладает набором устойчивых содержательно-формальных признаков, то есть не становится литературным жанром в традиционном типологическом понимании» (с. 132). Сказанное позволяет О.С. Кудлай характеризовать исповедь как «наджанровое наименование» (там же) и охарактеризовать жанровую дефиницию как результат «выбора автором/читателем той или иной коммуникативной стратегии» (там же).

В четвертой главе диссертации «Художественная исповедь в прозе русского зарубежья» О. С. Кудлай обращается к форме исповеди в творчестве писателей русской эмиграции XX века. Выбор такого материала автор диссертации обосновывает тем, что в литературе русского зарубежья, в отличие от советской литературы, значимое место занял «человеческий документ», сосредоточенный на внутреннем мире личности (с. 152). Как

считает О. С. Кудлай, в литературе первой волны эмиграции распространение получили художественные покаяния двух типов: 1) тяготеющие к исповедальности как приему для выражения переживаний о трагических событиях, экзистенциального кризиса, попыток самоопределения (к примеру, произведения Г. Газданова, М. Агеева); 2) сатирические/богоборческие псевдоисповеди (произведения В. Набокова) (с. 156). Писатели второй и третьей волн эмиграции также создавали исповедальные тексты (в диссертации рассматриваются тексты Н. Нарокова, Э. Лимонова). Автор диссертации справедливо отмечает особую роль творчества Достоевского для развития исповедальных форм в литературе русской эмиграции.

Изучая форму исповеди в структуре романа Н.В. Нарокова «Мнимые величины», О. С. Кудлай обращается к важной проблеме: какова художественная функция исповеди в составе романного целого. Автор диссертации убедительно показывает, что «исповедальный монолог – основная форма существования исповеди в романе, где повествование ведется от третьего лица» (с. 197).

В целом представленные в диссертации результаты исследований характеризуются высокой степенью научной новизны и достоверности. Разработанная автором теория литературно-художественной исповеди продуктивно используется при анализе исповедальных текстов литературы русского зарубежья.

К работе имеются некоторые вопросы и замечания.

1. Первый вопрос – уточняющий. Что в работе подразумевается под «конфликтом этического и эстетического» (с. 179 и далее) в антиисповеди? Понимается ли под «эстетическим» аспект произведения, связанный с завершающей активностью автора (читателя)? Или же имеется в виду квазиэстетическая, имманентная художественному целому, позиция исповедующегося героя?

2. В чём разница между исповедью как высказыванием, включенным в художественную ткань произведения, и исповедью как целостной литературно-художественной формой? Одинаков ли эстетический статус, к примеру, с одной стороны, «Исповеди» Руссо и исповедей отдельных персонажей в романах Достоевского или Нарокова?

3. Как изменяется художественная функция исповеди в связи с её соотнесённостью с определённой позицией в субъектной структуре произведения: 1) с позицией субъекта, обозначающего себя как автор текста («образ автора»), 2) с позицией нарратора (не позиционирующего себя как автор текста), 3) с позицией персонажа?

Большой информационной ценностью обладает перечень текстов, в названиях которых встречается слово «исповедь» или его синонимы (с. 291-298). Вместе с тем, автор включает в общий список и русскоязычные тексты (их большинство), и некоторые переводные (от «Исповеди» бл. Августина до «Исповедь Джэнет» Д. Элиот). Такой подход нам представляется не вполне корректным. Было бы более уместно представить русскоязычные и переводные тексты в разных списках.

В тексте работы имеются и некоторые фактические неточности. Например, во введении к диссертации (с. 6), а также в библиографии (с. 267) книга М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (Л.: Прибой, 1929) обозначена как «Проблемы поэтики Достоевского» (такое название имеет второе, переработанное и дополненное, издание книги 1963 г.).

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.9.3. Теория литературы (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В. Ломоносова, также диссертация оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Кудлай Оксана Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.3. Теория литературы.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

доцент кафедры теоретической и исторической поэтики

федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

Подковырин Юрий Владимирович

7.05.2025

Научная специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

5.9.3. Теория литературы

Адрес места работы:

125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д.6

Российский государственный гуманитарный университет,

кафедра теоретической и исторической поэтики

Тел.: +7 (495) 2506844; e-mail: dep_ktip@rggu.ru